

Нин Бэй услышала, что будет жареный поросенок, и бросилась ко входу в пещеру. Выглянув из-за зарослей Мимозы, она увидела стоящего снаружи молодого господина — высокого, изящного, одетого в прекрасный ледяно-голубой шелк. Белоснежная кромка его одежды была расшита изящными узорами из бамбуковых листьев, которые гармонировали с заколкой из бараньего жира в его волосах. Однако в руках у него было абсолютно пусто — никакого жареного поросенка и в помине не наблюдалось! Нин Бэй была ужасно разочарована.

Лицо Ясли изменилась в лице, и она прикрикнула:

— Версаль! Ты следишь за мной?

Лэ Кэ тихонько подкрался, прижал Нин Бэй за спину и шепнул:

— Ложись! Не позволяй ему нас заметить.

Версаль громко рассмеялся, достал из широкого рукава с серебряной ажурной каймой из гибискуса складной веер из слоновой кости и с характерным звуком раскрыл его. Небрежно помахав им пару раз, он произнес:

— Сегодня моя младшая сестрица была так напугана, что по возвращении не могла связать и двух слов. Я только удивился: кто же на этом острове мог так ее испанировать? И послал нескольких глупцов с криками и шумом спугнуть дичь в лесу, а сам встал на возвышении и стал наблюдать. И правда, увидел, как ты идешь меж деревьев, и поплелся далеко позади. Если бы не это, разве смог бы я так легко отыскать дорогу к твоему жилищу?

Про себя Лэ Кэ подумал: «Вообще-то это я напугал твою сестрицу, хотя вряд ли довел ее до какого-то особого ужаса. Просто девчачастенькая, вот и постеснялась сказать об этом напрямую».

Ясли холодно спросила:

— Чего тебе нужно?

Версаль ответил:

— Ясли, ты слишком упряма! Путь боевых искусств глубок и необъятен, а если мы изучим его вместе, это принесет пользу нам обоим — разве не замечательно? Ты же слепо упираешься в уединенное культивирование — и когда надеешься подняться на новую ступень?

Вспомнив слова Дохи в лесу, Лэ Кэ мысленно встрепенулся: еще один желающий изучить всё вместе, и что именно они собрались изучать? С чего это он так рвется сюда?

Ясли молчала. Она знала, что его мастерство невероятно велико, а ее собственные раны еще не зажили, так что противником она ему сейчас не была. К тому же он явился во всеоружии и наверняка не отступится просто так.

Заметив, что губы Лэ Кэ шевелятся, Нин Бэй удивленно спросила:

— Что ты жуешь?

— На жареного поросенка рассчитывать не приходится, хочешь остатки моих листьев салата?

— ответил Лэ Кэ.

Он раскрыл ладонь, на которой лежало несколько листочков зелени. Нин Бэй рассердилась и отвернулась:

— Не хочу!

Лэ Кэ только этого и ждал: он сунул листья в рот и принялся яростно их жевать. Капуста оказалась хрустящей, кисло-сладкой, сочной и освежающей, с потрясающим вкусом.

Не дождавшись ответа снаружи, Версаль продолжил сам себе:

— Раз не отвечаешь, значит, молчаливое согласие. Моя новая наложница ведет себя точно так же: ее обязательно надо брать силой, ха-ха! Я вхожу!

Версаль шагнул вперед широким шагом. Заметив, что Ясли по-прежнему сидит неподвижно, Лэ Кэ внутренне встревожился: он понимал, что этот Версаль замышляет недоброе. Раз он способен силой овладеть собственной наложницей, то с другими и подавно церемониться не станет. Если тот проберется в пещеру, никому не поздоровится.

Версаль махнул рукавом и задел заросли Мимозы. Раскрытые перистые листья тут же свернулись, а следом поникли и все ветви целиком, приняв «застенчивый» вид.

Внезапно из корневищ Мимозы выстрелили острые шипы. Словно по сигналу, соседние кусты пришли в движение, листья один за другим закрылись, и на Версаль обрушился настоящий ливневый шквал колючек.

Версаль молниеносно отпрыгнул назад, замахав руками, словно ветряная мельница. Несмотря на всю его проворность, он все же поймал немало шипов. Тело тут же пронзила боль и зуд, да такие, что он на мгновение лишился дар речи.

— Мастер долины Версаль, в твое тело вонзились ядовитые шипы. Семь дней тебе запрещено направлять ци и прикасаться к женщинам. Каждый день, раздевшись догола, ты должен сидеть по четыре часа в чане с рисом. Если через семь дней ты все еще будешь жив — что ж, поздравляю, значит, выжил, — неторопливо произнесла Ясли. В ее голосе не было ни радости, ни холодности.

Шипы Мимозы вонзались только тогда, когда растение тревожили. После кратковременного ливня из летающих колючек вокруг снова воцарилось спокойствие: листочки Мимозы раскрылись, а черешки выпрямились, словно готовясь к следующему залпу.

Версаль испугался и разъярился одновременно. Его мастерство изначально превосходило уровень Ясли, а заметив издали ее скованные движения, он уже понял, что она ранена. Воспользоваться моментом и напасть исподтишка казалось верным делом, но он никак не ожидал получить столь жестокий удар в спину. В его сердце вспыхнуло убийственное намерение, и он глухим голосом произнес:

— Через десять дней я вернусь! И если здесь останется хоть травинка или деревце, пусть весь мир смеется над мягкотелостью Версаля!

Сложив складной веер из слоновой кости, Версаль развернулся и легко заскользил прочь, растворившись среди пышных деревьев за пределами пещеры. Лицо Ясли оставалось суровым: она знала, что он человек заносчивый и держит свое слово, а значит, через десять дней их ждет беда. Ситуация стала критической, и ради собственного спасения придется кем-то пожертвовать! Ее взгляд медленно скользнул по Лэ Кэ и Нин Бэй, после чего она прикрыла глаза, погружившись в медитацию, подобно буддийскому монаху.

Лэ Кэ проникся глубоким уважением к Ясли. На первый взгляд она казалась невозмутимой, но на самом деле уже все продумала. Заросли Мимозы у входа служили настоящим защитным механизмом. Неудивительно, что, когда они только заходили в пещеру, Ясли издавала шипящие звуки — оказывается, так она временно останавливала стрельбу шипами, чтобы они могли пройти. Эти густые заросли напоминали запертую на замок дверь, открыть которую была способна только она одна.

Лэ Кэ внезапно осенила мысль: «Получается, мы ведь тоже заперты внутри?»

Сумерки сгущались, птицы возвращались к своим гнездам, а алый свет заходящего солнца падал на вход в пещеру. Обернувшись к Ясли, Лэ Кэ спросил:

— Нам нужно выйти наружу. Как сделать так, чтобы колючки не полетели в нас?

Сквозь полумрак было смутно видно, как Ясли сидит со скрещенными ногами на сталактите. Ни свечей, ни факелов в пещере не было, так что разглядеть ее лицо не удавалось, но из темноты донесся ее голос:

— Куда это вы собрались?

— Никуда особенно, просто оглядеться, — ответил Лэ Кэ, смутно чувствуя неладное.

— Нельзя, — холодно бросила она.

— Почему нельзя? Мы ведь не твои пленники! — сорвалось с губ Нин Бэй.

Ясли проигнорировала ее вопрос и лишь отрезала:

— Я сказала нельзя, значит — нельзя!

Нин Бэй разозлилась:

— Тогда выпусти нас! Мы больше не будем жить у тебя!

Ясли, закрыв глаза, погрузилась в медитацию и оставила ее слова без ответа. Нин Бэй уже собиралась что-то добавить, но Лэ Кэ перехватил ее за руку:

— Брось! Скоро совсем стемнеет, еще наткнешься в темноте на волка — цапнет нас за голые задницы, будет тебе веселье. Лучше уж переждать в безопасности внутри пещеры.

Лэ Кэ легонько сжал руку Нин Бэй. На этот раз она послушалась и, закрыв рот, больше ничего не говорила. В пещере воцарилась кроме тьмы, и Лэ Кэ произнес:

— Ясли, у тебя здесь не найдется свечки?

— Нет.

— В темноте ничего не разглядеть, а я ведь даже не догадался спросить, где тут туалет. Впрочем, неважно, сделаю это прямо у входа.

— Что?! — Ясли открыла глаза.

— Нин Бэй, отойди-ка чуть в сторону, — сказал Лэ Кэ.

— Ага, — послушно отходя вбок, откликнулась Нин Бэй. Лэ Кэ чуть не рассмеялся: временами она бывала невыносимо глупой, но порой проявляла завидную сообразительность.

Ясли легким дуновением пронеслась мимо, издавая непрерывное шипение, от которого черешки Мимозы один за другим поникли. Лэ Кэ и правда приспичило не на шутку.

Нин Бэй семенящей походкой подбежала первой и выскочила из пещеры. Лэ Кэ крикнул ей вслед:

— Не бегай где попало, смотри на змею не наступи! — А затем бросил Ясли: — Мы быстро вернемся! — и тоже вышел наружу, смутно ощущая, что Ясли стоит у входа и наблюдает за каждым их движением.

Перед пещерой расстилалась небольшая ровная площадка, выступающая прямо из горного склона и окруженная со всех сторон изумрудными зарослями густого леса. Найдя укромный уголок, Нин Бэй развернула Лэ Кэ лицом к себе и предупредила:

— Не смей оборачиваться! — после чего шмыгнула за кусты.

Лэ Кэ усмехнулся про себя: «Я и так уже всё видел, впрочем, не против взглянуть еще раз». Сам он тоже больше терпеть не мог, так что, приподняв листья лотоса, полил сорняки перед собой — так оказалось даже удобнее.

Нин Бэй вернулась лишь спустя некоторое время. Вечерний ветерок в лесу принес с собой чистую прохладу, тени деревьев покачивались. Лэ Кэ думал о том, что идти им все равно некуда, а Ясли просто так их не отпустит, да и ее истинные намерения оставались загадкой. В

конце концов, взяв Нин Бэй за руку и посомневавшись еще немного, он понял, что им остается только вернуться в пещеру.

Укладываясь спать в каменной пещере тем же вечером, они увидели, что Ясли по-прежнему сидит на сталактите со скрещенными ногами, закрыв глаза и восстанавливая силы. Возле каменной стены валялось немного высушенной травы; Лэ Кэ и Нин Бэй постелили ее на землю и легли. Каменный пол пробирал до костей, а поскольку оба они были почти голыми и укрыться было нечем, они ворочались с боку на бок, не в силах уснуть. Лэ Кэ сжался в комок, прижимая к груди охапку сухой травы.

В крошечной тьме пещеры раздавались лишь тихие стоны лежавшей рядом Нин Бэй.

<http://bllate.org/book/22005/2287717>